

Город

16+

Дарья Велижанина

Дарья Геннадьевна Велижанина

Город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64090811

SelfPub; 2021

Аннотация

Маленькие главы книги похожи на картинки или фотографии. Это впечатления автора и его размышления. Образ города – это образ мира, созданного до героя. Человеческому духу однажды становится тесно в его рамках. Создание текста – попытка выйти из будничного, обретение свободы.

Дарья Велижанина

Город

...заботы века сего... заглушают слово...

Евангелие от Марка

На улице шел дождь. По улицам шел дождь. Точнее, он шел, как придется: и по улицам, и по деревьям, обдавая стекла домов и стуча в основательно и боязливо закрытые двери. Его серый плащ задевал за большое и высокое небо, а это значит, что и дождь был большим, и солнце морщилось, заслоненное.

Откровенно говоря, еще длились солнечные часы. Их должно было быть очень много, потому что ночь была белой.

Солнце смотрело на часы и считало шаги дождя. А дождь не спешил и шел как будто в глубоком раздумье по площадям, по мостам, вступая в реки и беря во влажные руки ветви деревьев.

А потом дождь вдруг остановился. Просто застыл на месте. О чем-то подумал. И остался в лужах. Ветер неторопливо снимал его плащ с потолка неба. Солнце брезгливо всматривалось, ожидая. Оглянувшись на покидаемый город, солнце увидело, как с остатков плаща падают капли, и – радугу...

Вдоль дорог от метро протянулись до войны построенные дома с высокими арками и оградами, много превосходящими человеческий рост, с балконами и колоннами, тяжело вознесенными на массивные стены. Всюду в сооружения добавлен серый оттенок, вмешанный в основную желтоватую краску.

В глубинах улиц дворы: дома мелкого кирпича с высокими липами и кустарником. За дворами, удаляясь в узкие переулки, по тяжелому запаху и уродливости сооружений определяешь близость заводов – Кировского и «Северной верфи».

В просторной комнате канцелярии у стола, где однажды начинаю работать, распахнуто высокое, почти до самого потолка, окно. Рамы его пострадали от влажности и долгого времени, с трудом приходится открывать их каждое утро и захлопывать по вечерам. Краска потрескалась, светлая поверхность покрылась пылью – руки пачкаются, когда я достаю до окна.

Комната выглядывает во двор с кленами и шумом машин. Весь проем окна закрывает ржавая и темная решетка. Как усмешка, форма ее представляет солнце с расходящимися лучами. Держусь за прутья и пытаюсь увидеть нечто большее, чем привычный пейзаж, но мое окно не дает мне такой возможности.

Вспоминаю виденный сегодня завод: бледное замеревшее

утро, горячий утомительный запах асфальта, густо налипшая зелень аккуратно покрашенных тополей – окаменевших на фоне светлого неба и шершавости стен.

Во всем наведен порядок, лицам придана серьезность, а зданиям – насыщенность тона и определенность отношений и контуров. Тревога от неясности будущего промыта свежестью летнего дня, и лишь деревья и небо постоянно надежны в прошлом и настоящем. Самое первое в новом месте – поворот головы к окну. Взгляд сливается с кленами, их несомненно ты включаешь в свои союзники и дружишь с ними; небо же никогда не выглядит пошлым.

Представляется, что в руках у меня видеокамера. Оглядев серые стены арки, она упирается в черные перекладки ворот, и, после тени на улице, стоит немного прищурить глаза – в синеву брызжет вечернее солнце и набегают зелень травы и деревьев.

У обочины нежно-голубым блеснули новые «Жигули». Возле метро торгуют черешней и абрикосами. Женщина прогуливает собаку и вытирает ей зад подорожником. Мамаша окликает дочку моим именем...

2

Этой весной в темноте проспекта у Аничковых коней освещенные здания на другой стороне я вдруг увидела воплотившимися однажды идеями некогда живших людей

(страдавших или восторженных): ошеломляющими проектами, предметами размышлений, причиной горечи или триумфа; но для меня в этот вечер они – только препятствия, много раз задававшие мой маршрут и образующие мой горизонт. О них думали, их оставили здесь на века. Город блеснул передо мной в ночи жесткой конструкцией, устаревшей, консервативной системой, – непоправимостью, данностью, – и я внезапно пугаюсь возможности быть здесь рожденной – созданной городом...

Упорно и медленно, требованиями и подробностями город поворачивает на себя, свое насущное (но – не мое), заставляет вдруг быть им занятой, тогда как в свободе я – только стояла бы и смотрела и много бы для себя (и *себя также*) в этом нашла – и многое отдала бы в ответ.

Вещественностью отвлекает, мелочами. Препятствия называем – заботой.

В камне улиц влияние. Дома под настольной лампой пишу, и внутри он же: легкий, пройденный, утомивший, оставленный.

Вспомнила Блока. И страшно его – здесь – представить: улицы, молодость, смех навстречу – и отсутствие смысла в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.